

ЗНАМЯ ТРУДА

ВРЕМЕННОИКО ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВ И ПОЛИТИКИ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

О. В. ИВАНОВА-РАЗУМИНИКА

В. А. КАРЕЛИНА

Е. Г. ЛУНДБЕРГА.

МОСКВА

1918.

ЮЛЬ

№ 2

георгій

ПАШКОВ.

отвернулся однажды от созданія своего и самъ Создатель; онъ, по словамъ Библии, сожалѣлъ въ сердцѣ своемъ, что создалъ человѣка, помыслы котораго полны злобы, сожалѣлъ и грозился стереть съ лица земли все живое. . .

И поэтъ, „духовной жаждою томимый“ влачился въ пустынь мрачной. Кто знаетъ, можетъ быть, и его соблазняла бѣсовская сила отрицанія, и онъ могъ бы отвернуться отъ жизни, отъ человѣка. Но, къ счастью, къ нему явился не духъ злобнаго отрицанія, а „шестикрылый серафимъ“ . . .

И онъ къ устамъ моимъ приникъ.
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замерзшія мои
Вложилъ десницею кровавой

Быть можетъ, эта кровавая операція избавила пророка отъ соблазна—презрѣнія къ міру, ко всему живому, грѣшному и несовершенному.. Судьбѣ угодно была дать Пушкину иную миссію—„глаголомъ жечь сердца людей“. И учить людей людскому, глубоко человѣческому. И такъ проста его вѣра, его заповѣдь. Она гласитъ: основа жизни прекрасна, ибо вся она безъ остатка переводима многозвучно гармоніей. . . . Это поистинѣ—веселая наука.

Говорятъ, на дверяхъ академіи Платона красовалась надпись: „да не войдетъ сюда не знающій геометріи“. На дверяхъ академіи Пушкина—иная надпись: „да не войдетъ сюда не знающій радости быть человѣкомъ“. Но до ступъ въ эту академію открытъ всѣмъ, никакой пензъ не требуется, нужна только душа, чувствующая гармонію. Пушкинъ нашель „энтелехію-гармонію“, которая присуща самой жизни. Это—глубочайшаго значенія моментъ въ творчествѣ Пушкина. Если позволительно назвать Лермонтова нашимъ Платономъ (а именно такъ надо характеризовать одинъ изъ мотивовъ лермонтовской поэзіи), то Пушкинъ—нашъ Аристотель. У Пушкина, какъ и у Аристотеля, божественное начало присуще самой жизни, душѣ, вселенной. И оттого-то для Пушкина человѣкъ и жизнь—самоцѣль. Демоны, бѣсы злой силы изгоняются звучнымъ пѣснопѣніемъ. Не нужно искать „внѣшняго“ въ жизни смысла, не нужно вмѣшательства карающей грозной силы грозныхъ боговъ. . . . Зачѣмъ? Онъ самъ хозяинъ прекрасной земли, ибо „Богъ-Господь его съ нимъ“ и „дарскій трубный звукъ у него“.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОРИЗОНТЪ.

Переизданы симфоніи Андрея Бѣлаго. Первая. Героическая, и Вторая, Драматическая. — Приятно взглянуть на давнюю старинку. Въ первыхъ симфоніяхъ А. Бѣлаго было что-то нѣжное. . . Забавны описанія начинавшаго пошевеливаться символизма, тогда онъ былъ безвреденъ и милъ; тутъ же закручивалась мистика метелью книжныхъ листовъ: „Даже марксисты ударились въ философію, а философы въ теологію. — Но никто изъ нихъ не зналъ о значеніи таинственнаго миганья, которое росло и росло въ Россіи“ (197). — „Блѣдный аскетъ съ золотой бородой и легкимъ румянцемъ поилъ чаемъ Дрожжиковскаго. — Дрожжиковскій въ волненіи плескалъ чаемъ и, хватая аскета за руки, говорилъ, захлебываясь:—Такъ вы знаете жену, облеченную въ солнце? — Но блѣдный аскетъ говорилъ равнодушно: — Ничего я не знаю: все это еще очень неопредѣленно. Пишутся только матеріалы. . . До лѣта нельзя дѣлать никакихъ выводовъ“ . . . А вотъ и Кантъ: „Послѣдняя мысль его была такова:—Кантъ безъ Платона — туловище безъ головы: Онъ заснулъ въ мысляхъ своихъ, былъ какъ бы безъ головы — А бюстъ Иммануила Канта укоризненно качалъ головой и показывалъ языкъ спящему философу, стоя на письменномъ столѣ“ (136). „Онъ нашель въ своей новой системѣ отчаянные промахи; досадливымъ пятномъ выступила передъ его духовнымъ взоромъ непогрѣшимость *Критики чистаго разума*. — Его нервы шалили“ (168). Такъ нѣжно и вѣжливо обращался Бѣлый съ Кантомъ на зарѣ своей извѣстности. Теперь—„рушился Канто-Декартовъ міръ“. А вѣдь, пожалуй, жалко: недурной мірокъ былъ, судя по симфоніямъ. Помятый поэтъ спрыгивалъ съ 4-го номера. Онъ пролеталъ Арбатъ. „Москва“ . . . — шепталъ петербуржецъ. Онъ глѣлъ Прекрасную даму средь обломковъ міровъ. Міры низвергались — за грохотомъ 4-го номера. . . — Арбатъ былъ заваленъ обломками міровъ. Завтра выходила книга о Гете.

Однако еще въ симфоніяхъ заложены непрятныя особенности Бѣлаго. Міръ берется поэтомъ подъ подозрѣніе. Міръ имъ предварительно и априорно высмѣивается.

И. Гросманъ-Роцинъ,

Переводы благополучно умножаются въ числѣ. Локкоходъ какъ будто кончился, наконецъ-то надоѣлъ. Его раритеты (восточныя женщины въ Лондонѣ, укротительницы кошекъ и пр.) какъ-то моветонны самымъ несомнѣннымъ образомъ. Зачѣмъ такія странныя профессіи и расы? Развѣ то же недостижимо съ болѣе нормальными субъектами? Если такія мысли являются,—значить, что-то не въ порядкѣ. У Бальзака въ „Тридцатилѣтней женщинѣ“ выведена жена корсара, широко, размашисто описанъ разбойничій корабль—и ни на мигъ читатель не усомнится въ необходимости такого оборота дѣла. А Локкъ навораживаетъ одну „изысканность“ на другую, хитритъ, хитритъ,—а скучно и вспоминается Сѣверянинскій бананный ликеръ. Бананопклонники... а скучные это люди! Кстати, только Брюсовъ хорошо угостилъ насъ бананомъ:

Листъ широкій, листъ банана
На журчащей Годавери,
Тихимъ утромъ, рано, рано,
Помоги любви и вѣрѣ.

Какъ Киплингъ хорошъ со своими звѣрями: это потому, что онъ относится къ нимъ съ уваженіемъ. Черный Балу, учитель закона, какъ милъ онъ, пушистый счастливецъ, поучающій:

Пятна—барса украшенья, гордость буйвола—рога,
Будь опрятенъ, въ чистомъ мѣхѣ ты страшнѣе для врага.

А Локковскія кошки, призванные выдѣлать своеобразіе героини,—прескверно отъ нихъ пахнутъ.— Изъ переводовъ замѣтенъ таковой Анатоля Франса, „Возстаніе ангеловъ“. „Парижскій злой крикунъ“ умный человекъ, съ нимъ приятно поговорить. Пересказывать содержаніе неинтересно, романъ хорошій и интересный. Переводъ (изд. к-ва „Сѣверные дни“) по установившейся въ Россіи традиціи довольно скверный. Смѣемся надъ нѣмцами, отыскавшими у Достоевскаго „плотничью шляпу“ вмѣсто „Циммермановской“, а сами французское выраженіе „Ces machines là“ переводимъ, не обинуясь: „эти машины“, когда оно значитъ: „эти штучки“, „эта самая исторія“ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Франсъ въ этомъ романѣ даетъ все, что требуется: хорошо понять архангелъ на землѣ, отличенъ библиотечкарь, умѣстно и доказательство того, „что, какъ сказалъ одинъ греческій поэтъ, нѣтъ ничего лучше золотой Афродиты“. И это доказательство въ мѣру цинично и въ мѣру непристойно... то-ли дѣло у насъ: какъ дойдемъ до многоточія, такое начинается, что поневолѣ о 1001 статьѣ вздохнешь. А французы умѣютъ „точку“ обходить, ту самую, до которой русскіе писатели предпочитаютъ просто „дойти“; вотъ что значитъ школа, которой не

имѣемъ.—Еще кое-что изъ Уэльса, но „Мистеръ Бритлингъ“ скучноватъ.

Есть и альманахи. Приличнѣй другихъ „Эпоха“ (кн. I). Авторы въ немъ сочли долгомъ малость подтянуться. Первые два стихотворенія А. Бѣлаго неинтересны, а „Карма“—приятна.

Воздушно брыжжутъ дшканти
Въ далекій берегъ прежней пѣсней...
И надъ роялемъ смотришь ты
Неотразимѣй и чудеснѣй.
Твои огромныя глаза,
Твои холодныя объятія...

и такъ еще:

И знаю я: во мглѣ міровъ
Ты—злая, лающая Парка,
Въ лѣсу пугающая съевъ,
Меня лобзающая жарко...
...И я безумствовалъ въ ночи
Съ тысячелѣтнею старухой;
И пѣли лунныя лучи
Въ мое расширенное ухо.

Вотъ молодымъ людямъ урокъ: стихъ Бѣлаго до его работъ надъ онимъ, и теперь; всякому бы такой ямбъ.—Блокъ гладокъ, однако, онъ вырисовался самымъ общимъ образомъ. Лучшее другихъ послѣднее стихотвореніе:

Поглядите, вотъ безсильный,
Не умѣвший жизнь спасти—

Недурно, хотъ у Батюшкова это же милѣй:

Посмотрите: въ двадцать лѣтъ
Блѣдность щеки покрываетъ.

Хорошъ хорей Брюсова „Жалоба Оесея“ съ отличными мѣстами:

Ты клянeshь? иль кличeshь, плача,
Жалко кудри теребя...
...Я съ подругой нелюбимой
Жизнь влачу, но рѣшь ты
Возлѣ ложа. еле зримый
Призракъ, въ глубяхъ темноты!

Нововведеніе представляютъ преступны (ep-jambent) въ хорѣ, здѣсь у Брюсова довольно частые. Обычно они рѣдки, больше въ ямбѣ мы къ нимъ привыкли, но здѣсь ничего возразить нельзя,—красиво. Бунинъ, Ропшинъ и Ходасевичъ привычно гладки.—Недурна проза Сологуба и Кузмина. Мозалевскій неподвиженъ, все та же путаница и такъ же все ни на что не похоже; тонкости позапрошлаго столѣтія пора бы оставить для „Живыхъ альманаховъ“: „О, какъ хорошо быть опьянѣвшей и какъ отвратительно, вѣрно, быть пьяной! Вы чувствуете разницу?“—такъ она есть? ска-

жи, пожалуйста! откуда вы узнали? Что за манера—говорить триумфы голосомъ преступника времени Неккера? хочешь хитростей, а сказать то нечего, не лучше ли обождать удивлять вселенную своей тонкостью? Кое-что есть, но такъ мало. Хороша страница 146-ая.— Толстой немного слишкомъ сладокъ: большое бы дѣло сдѣлалъ человекъ, который надѣлалъ бы ему большихъ неприятностей.

Занимательны замѣтки Брюсова и кончающаяся альманахъ статья А. Нѣмова „Цезарь въ своихъ запискахъ“. — Новые журналы средне-любопытны. Въ „Аполлонъ“ (№ 6—7) статья А. Эфроса о Павлѣ Кузнецовѣ интересная, но отшибающая стилемъ—снисходительнымъ похмыкиваніемъ надъ старинкой 900-хъ годовъ. Пустая статья г-жи Гумповской о „Колчанъ“ Гумилева. Но Питеръ живетъ еще третьеводняшними новостями, для него „Колчанъ“—какъ событіе. Поэма Гумилева „Дитя Аллаха“—какъ всегда у Гумилева гладко и пустынно. Тема завязлая—„нѣтъ ничего лучше поэта“, но обработана неглупо, такъ что ея банальность незамѣтна. Ритмъ стиха изобилуетъ приятными хитростями; въ соединеніи съ недурно понятой восточной ироніей иногда выходитъ пре-завабно:

Старуха: О, добрый кади,

Ты мудрость взять себѣ въ удѣлъ.
Но какъ я буду одинокой
Въ расцвѣтъ сорока трехъ лѣтъ?
Мой мужъ—больной и кривобокой,
И старъ, какъ время, нашъ сосѣдъ.
У одного видны все ребра,
Другой мѣшка съ овсомъ тучнѣй...
Когда не ты, мой кади добрый,
То я останусь безъ дѣтей.
Ты крѣпокъ, какъ орѣшекъ твердый...

Кади: О, цѣты! Я много перенесъ.

Старуха: Какъ роза, пышетъ носъ твой гордый...

Кади: Мой носъ—обыкновенный носъ.

Старуха: Я хороша?

Кади: Была когда-то.

Старуха: И взоръ мой свѣтитя.

Кади: Богъ съ нимъ!

Старуха: О, кади, кади, я богата...

Кади: Мы послѣ переговоримъ...

Недурень переключъ поэта и птицъ, съ повтореніемъ строкъ.—Въ „Лѣтописи“ (сент.-

дек.) конецъ Шаляпинской автобіографіи: читать можно съ интересомъ, весело. Конецъ статьи очень интересной Брюсова: „Учители учителей“ (объ Атлантидѣ). Японскіе стихи Моравской съ недурными строками:

Въ тепломъ воздухѣ дрожали

Вѣтеръ, зонтикъ и кинжалъ;

въ хорѣхъ приятны риѣмы на „—а лѣ“; вспомните Пушкина:

И дымящійся бокаль

Я всему препочиталъ.

Ужасно слабы лаптемъ ши хлебаюшіе гг. Новоселовъ и Шишковъ. Мѣстный колоритъ исчерпывается словами въ родѣ „али“, „боязно“, „робить привалили“ и т. д. Переведите на другой языкъ и никто не догадается, что дѣло происходитъ въ Россіи. Тутъ же нескладная эротика, рѣдко плохая.—Въ „Голосѣ Минувшаго“ (№ 1-3, 1918) любопытны записки П. С. Батурина, интересно изслѣдованіе Клевенскаго о „Тургеневѣ въ карриатурахъ и пародіяхъ“. Остальное—обычный матеріалъ историческихъ журналовъ.

К-во „Альціона“ выпустило „Эропопегни“, безымянные переводы латинской эротики (Овидій, Марціалъ, Авсоній и др.), тексты даны au regard. Книга, какъ говоритъ предисловіе, рассчитана не на филолога, а на средняго читателя, дѣнителя поэзіи. Переводы прекрасные. Кое-что, какъ указываютъ примѣчанія, взято изъ переводовъ Брюсова. Приятно все-таки знать, что въ наше время есть у насъ поэтъ, который можетъ переводить латинянь не хуже Брюсова...Издана книга роскошно, со вкусомъ. Отвращаютъ только виньетки, взятая изъ эротическихъ книжекъ восемнадцатаго вѣка, это придаетъ книгѣ пренеприятный характеръ. Если нельзя было достать эротическихъ рисунковъ древнихъ, то лучше было вовсе никакихъ не печатать.

Э. П. Бикъ.